

в 1204 г. — даже как «преступление против прав человека» (стр. 223). Довольно много вполне реалистичных соображений высказывает Руссэ, в частности, при описании взаимоотношений Византии с Западом и крестоносцами в XI—XIII вв. Хорошо разъясняются причины недоверия Алексея Комнина к западным варварам — участникам Первого крестового похода (стр. 71); правдиво и со знанием дела, на основе сведений Анны Комниной рисуются конфликты империи с крестоносцами во время их пребывания в Константинополе в 1096—1097 г., вызванные, по справедливому мнению Руссэ, тем, что захватнические поползновения крестоносцев на Сирию и Палестину противоречили византийским интересам. Напряженные, а подчас враждебные отношения Византии с франкскими государствами на Ближнем Востоке в XII в. автор резонно выводит из стремлений василевсов восстановить власть империи над Антиохией (стр. 168), а нежелание Алексея III пойти на унию с Римом — из того, что Византия вообще была мало заинтересована в восточной политике папства: поэтому она «с подозрительностью относилась (и не без основания, добавляет Руссэ) к перспективе нового крестового похода (речь идет о периоде подготовки IV крестового похода. — М. З.) и не была расположена подписывать условия религиозной унии, предложенные Иннокентием III» (стр. 202).

Все эти, а также многие другие суждения и выводы Руссэ относительно причин, содержания крестовых походов, отношений между Византией и Западом и т. д., безусловно, отражают, с одной стороны, конкретные результаты исследований наиболее объективно мыслящих буржуазных историков, а с другой, в какой-то степени являются показателем того влияния, которое прогрессивная историческая мысль в наше время оказывает даже на весьма консервативных представителей буржуазной медиевистики.

В этом смысле симптоматичны, в частности, попытки Руссэ выявить социальную подоплеку крестоносной политики папства. Автор, правда, утверждает, что Урбан II при организации крестового похода видел свою задачу в водворении мира на Западе: толкнув воинственных рыцарей на Восток, папа рассчитывал добиться замирения западного «христианства», чего папству не удалось достигнуть прежними декретами о «божьем мире» (стр. 17). Руссэ не улавливает подлинной социальной основы этих действительно связанных между собой направлений папской политики; стремясь изобразить инициатора кровавой рыцарской эпопеи на Востоке миротворцем, он в сущности воспроизводит одну из распространенных среди католических историков наших дней ложных концепций, согласно которой единственной целью католической церкви при организации крестовых походов было утверждение мира на Земле⁵. И, тем не менее, перед нами палицо все-таки постановка вопроса о конкретно-исторических, социальных задачах осуществлявшейся папством антимусульманской политики, что само по себе в принципе является известным шагом вперед по сравнению с тем, как трактовалась крестоносная деятельность папства в историографии предшествующих десятилетий. Руссэ, как и другие буржуазные историки наших дней, уже не может довольствоваться ссылками на одни лишь религиозные интересы апостольского престола и вынужден ставить вопрос о социальной подоплеке крестоносной пропаганды.

Итак, в книге Руссэ встречается ряд реалистических положений, которые иногда в известной мере подводят читателя к относительно верному или близкому к истине пониманию отдельных сторон истории крестовых походов. Однако в основе своей концепция «Истории крестовых походов» является эклектической и идеалистической. Эта концепция, представляющая собой прямое развитие и завершение взглядов, содержащихся в ранней монографии автора — «Происхождение и основные черты Первого крестового похода» (1945)⁶, сводится к следующему. Поначалу и в сущности своем крестовые походы, по мнению Руссэ, являлись религиозными войнами. Постепенно к их религиозной основе присоединялись — и чем дальше, тем больше — «иные элементы» (стр. 7); они искали истинную, первоначальную сущность идеи, некогда воодушевлявшей всех участников крестового похода, а последняя, деградируя со временем, лишалась «своей души и аромата» (стр. 9—10).

Ошибочное в корне представление о том, что в конце XI в. Запад предпринял якобы некий «крестовый поход в чистом виде» (стр. 11), развивается в трех начальных главах книги, посвященных предьстории и истории Первого крестового похода, где Руссэ ограничивается в основном повторением в сокращенном виде своих прежних выводов. Он считает, что крестовый поход 1096—1099 гг. при всей важности обусловивших его социально-политических факторов в первую очередь обязан своим происхождением известному состоянию умов и сердец (стр. 18), наличию в обществе «определенных идей, вкусов и страстей, свойственных людям того времени» (там же), «психологическому климату» XI в., который породил идею священной войны с исламом. Разу-

⁵ Ср. Н. А. Сидорова. XI Международный конгресс историков и вопросы медиевистики. «Средние века», вып. XX, 1960, стр. 267.

⁶ См. разбор этой книги в нашей рецензии: «Известия АН СССР», серия истории и философии, VII, № 6, 1950, стр. 565—568.